

Татьяна Николаева. О преходящем

УТКА

памяти прабабушки Марии

Птичка пролетела.
Оказалось — утка,
странно: будто чешет задом наперёд.
Вышла я из тела
на одну минутку, —
вот душа! — как утка, прёт себе и прёт!

... пролетает страны,
пролетает лица
и насквозь проходит странные сердца:
те, в которых раны,
рваные станицы,
чёрные бойницы — войны без конца...

... бабушки и деды,
труженики предки
шелестят, как травы, по земле родной,
и цветы победы,
и сироты детки, —
как-то слишком плотно всё во мне одной...

Пролетела птичка,
пёрышко упало,
им-то и пишу я по белым-бело.
Чёрные кавычки:
(... на Иван-Купала
посекли опричники целое село...)

СНЕГ

памяти бабушки Анастасии

Очень медленный вертикальный снег —
это память детства, где страха нет:
бережливая бабушка штопает мой носок,

улыбается мысли, влетевшей в её лицо,
на руке мерцает серебряное кольцо,
и очки на лице — немного наискосок.

Первозданное чувство в груди — вертикальный снег:
это мамы, с работы вернувшейся, тихий свет,
это хлеба горячего запах — с её руки.

«Мне горбушку!..» Она смеётся, и мир большой,
и пушистое тёплое облако над душой,
потому что завтра мы будем играть в снежки!

Потому что ещё далеко до меня, сейчас
и вот здесь отправляющей внука в четвёртый класс:
за окном — вертикальный снег, и душа бела.

После школы вернётся румяный и весь в снегу,
и горбушку душистую выклянчит на бегу...
Я такой же была. Я была. Я уже была.

ПЕРЕМЕНА

Окно, распахнутое настежь в сад:
в янтарный свет июльского заката
дрозды о преходящем голосах,
как звезды — о божественном — когда-то,

И шмель, присевший на моё колено,
И со стихами школьная тетрадь —
большая возрастная перемена,
которую осталось вспоминать...

Так тихо на душе! Листва опала,
плоды все собраны, уснул шмельёк
в своей берложке, и невзрачной стала
земля-кормилица у самых ног.

А помнишь, как разъяв на свет и тьму
Себя, Ты вдруг заплакал? Не от боли, —
от одиночества. Ну и кому
Ты дал вкусить Своей безмерной воли

и смерть — как плату?.. Памятью согрета,
отрочества переживаю лето:
и свет, и тени, скручиваясь в жгут,
меня Тобой восполнят и сожгут.

МОЙ КИТЕЖ

Перечитывая Макса Волошина,
понимаю, что душа моя сношена,
разворована, отравлена сплошь.

Перечитываю Макса, и кажется:
духи века надо мною куражатся,
И зазывность обещаний их — ложь!

А всего-то: лишь столетьем обмерена
Максом петая прамактерь Киммерия,
дух Европы пред которой — душок

со своей высокопарною готикой,
с феминизмами, коммуной, эротикой, —

от животной вошкотни на вершок.

Перечитываю Макса, и мнится:
вот сейчас перевернется страница
и — коктебельское солнце — волной! —

сокрушая наши «недо —» и «надо!»
пронесётся над могилами града,
так признательно любимого мной.

Нет, не Китежа, а города — ЗЭКа,
на костях перемоловшего века
пренебрегшего сверканьем столиц...

И лучи его проспектов, как спицы
боевой передовой колесницы,
переполнены и судеб, и лиц.

Эти судьбы были временем скошены,
захоронены, и, Макса Волошина
перечитывая, падаю ниц:

Ты меня не понимаешь, мой «Китеж»?
В преисподнюю меня не похитишь?..
Я согласна — среди любимых страниц.

КОРМУШКА

Вот и всё. Отчалили пернатые,
зиму скоротали, как смогли.
Хорошо запомнили пенаты вы,
городские пасынки земли?

Прилетайте стайками и парами.
Мне хоть и проблемно, но тепло
от возни крылатой, я ведь старая, —
время перелётов истекло.

Вот, в стекло оконное уставилась, —
о, душа несытая, молчи! —
радуюсь, как парами и стаями
вас сменяют галки и грачи.

Эти — самостийные, кондовые,
им и заморозки нипочём!
Залетают — юные и вдовы —
синь небес взъярив крылом — плечом!

Но с пронзительным благодарением
вспомню я синичку без хвоста,
самую любимую из ста,
как доверчиво — и на колени мне...